ПАМЯТКА.

Ѣхалъ баринъ семьей въ большомъ рыдванѣ на своихъ лошадяхъ шестерикомъ. Было это въ глуши, въ Костромской, дремучими лѣсами, по такимъ мѣстамъ, гдѣ въ тѣ времена ѣзжали только днемъ. Тутъ живали такіе молодцы, что стеречь подъ мостомъ проѣзжихъ было для нихъ обиходнымъ дѣломъ, хлѣбомъ насущнымъ.

Лошади позамаялись, случилась еще и небольшая ломка — расчитывали въ двѣ упряжки проѣхать боръ, а пришлось ночевать на перепутьи. Посовѣтовавшись съ людьми своими, помѣщикъ рѣшился пристать въ ославленной издавна деревнѣ, которая лежала въ глуши, на пролѣскѣ, по 25–ти верстъ на обѣ стороны отъ жилого мѣста. «Ничего», сказалъ старый бывалый кучеръ: — «Богъ милостивъ, не бойтесь; теперь не прежнія времена, хоть и шалятъ ино, да ужь не такъ; пристанемъ къ Кузьмѣ; онъ это дѣло давно покинулъ». — Заѣхали.

Изба большая, просторная, но одна съ хозяевами, чистой нѣтъ. Семья

крестьянская, съ большими и малыми, душъ подъ 15; невѣстка, молодая проворная бабенка, мотается туда и сюда, подаетъ пріѣзжимъ то молока, то масла, накормила и людей и свою семью, да и понесла подавать ужинать кому–то на полати. «Что ты это, матушка», спросилъ помѣщикъ: — «кого кормишь тамъ?» — «А дѣдушка у насъ тамъ лежитъ», отвѣчала она: — «безъ ногъ, такъ ему и подаю.» Слово–за–словомъ, дѣдъ обозвался, подползъ къ краю полатей, выказалъ богатырскую, бѣлокурую голову свою и поздоровался.

— Что ты, дѣдушка, аль неможется?

— И не знаю, баринъ, какъ и сказать; здоровъ я лежать, здоровъ ѣсть, и здоровъ бы совсѣмъ, да ногъ нѣту; такъ вотъ и лежу.

— Чтожь такое сталось съ тобой? Давно?

— Да ужь побольше двадцати годовъ будетъ; а что сталось — Богу извѣстно: онъ казнитъ насъ за грѣхи наши, и меня не обнесъ. Какъ заслужилъ, такъ и терпи;

дѣлать нечего, Господь даромъ не накажетъ.

— Чтожь ты такъ, можетъ статься и клеплешь на себя, дѣдушка? Смиреніе годится, конечно, — молись да надѣйся, да спроси знающихъ людей, авось помогутъ.

— Нѣтъ, батюшка–баринъ; на меня давнымъ–давно лопата выросла — да вишь, и земля не примаетъ. Ты видно баринъ добрый, есть вотъ у тебя и хозяюшка и дѣтки — тебѣ можно сказать все, да что, и таить–то нечего; Богъ разсудитъ меня, а не люди. Всѣмъ вѣдомо у насъ, что надо мною сталось, а коли слушать станешь, такъ разскажу.

— Сдѣлай милость, дѣдушка, пожалуйста.

— Даромъ–что я теперь на полатяхъ сижу, а я слышу и вижу все: я знаю, что вы вотъ со страхомъ Божьимъ пристали ночевать къ намъ — слухомъ земля полнится; деревня хороша, да слава худа. Нѣтъ, прошло то время, батюшка–баринъ; спите, что у Христа за пазухой, и съ Богомъ заутре поѣдете. Вотъ что.

А лѣтъ тому двадцать пять было не то. У насъ на кругу была очередь, по дворамъ, въ какой день кто прибудетъ, то ужь никто, кромѣ очередного, на дворъ пускать не смѣетъ; а тотъ примай да и раздѣлывайся, какъ знаешь. Кому какое счастье выдастся. Бывало какой–нибудь запоздалый голышъ на дворъ — поглядишь, да и отворотишься; а прикатитъ съ полной кисой, такъ за нимъ и ухаживаешь, да выпроводивъ за село, тамъ и обработаешь.

Вотъ, батюшка баринъ, говорю все передъ тобою, какъ передъ Богомъ — вотъ и была изба моя на очереди. Пріѣзжаетъ на саночкахъ какой–то изъ военныхъ, одинъ–одинешенекъ; баринъ молодой, веселый. Указываютъ ему мой дворъ — я вишь былъ на очереди; я вышелъ, растворилъ вороты, глянулъ на него, и думаю: хоть бы ты провалился; хлопотъ–то будетъ съ тобой, а поживиться ужь нечѣмъ.

Вошелъ въ избу, попросилъ отпрячь лошадь да убрать ее, все разговариваетъ, требуетъ себѣ того, другого, привередничаетъ — я отвернулся, пошелъ,

думаю: кабы зналъ ты, у кого гостишь, такъ бы потише сталъ. Онъ видитъ, что у меня не скоро какъ–то поворотились, да и говоритъ: чтожь вы, ужь не думаете ли, что я не заплачу вамъ? Не бойсь, хозяинъ, отблагодарю, только накорми, да напой чайкомъ хорошенько; я промерзъ; ты, чай, думаешь, нечѣмъ и расплатиться мнѣ? Вотъ, гляди, слава Богу, есть чѣмъ — было бы за что — да и сталъ пересыпать цѣлую горсть золота! Вотъ, говоритъ, привезъ изъ походу, да ѣду теперь домой; товарищъ–то у меня захворалъ дорогой, такъ я и остался одинъ съ лошадкой.... У меня на него глаза такъ и разгорѣлись: вотъ–де не думано, не гадано — а что добра! Тотчасъ послужилъ ему чѣмъ Богъ послалъ и не отходилъ во весь вечеръ отъ него — такъ вотъ и подмываетъ: жду не дождусь, чтобъ заснулъ.... уснулъ онъ. Что, говорю, тутъ, что ли, его порѣшить? — Нѣтъ, батюшка, говоритъ старший сынъ, — царство ему небесное — того гляди хлопотъ наживешь, либо кровь, либо что, слѣды останутся; такъ лучше за яромъ. Ну, ладно.

Далъ я ему соснуть часа два и бужу: пора–де вамъ ѣхать. Онъ поглядѣлъ въ окно — рано, хозяинъ; еще темно, ни зги не видать, поспѣю. — Я обождалъ еще съ часокъ мѣста, да выслалъ сына, велѣлъ заложить двое дровней, проѣзжать подъ окномъ да покрикивать; бужу опять, говорю: пора, баринъ, нынѣ зима, свѣту не дождешься, а вонъ ужь мужики наши въ лѣсъ по дрова поѣхали. Онъ поглядѣлъ опять въ окно, послушалъ — ито такъ; ну, давай съ Богомъ собираться, закладывай, хозяинъ, мою лошаденку.

Расчитались мы — хоть ужь и не до счету мнѣ было, и не хотѣлъ я брать, да принудилъ, возми, говоритъ, все, что слѣдуетъ возми. Сѣлъ онъ, поблагодарилъ и поѣхалъ. Я съ сыномъ кинулись на дровни, пустились проулкомъ да окольной дорожкой лѣсомъ, выѣхали ему ввстрѣчу и дожидаемся. Ѣдетъ. Мы, какъ слѣдуетъ, подскочили и лошадь его подъ уздцы, а сынъ... сынъ–то, у меня, баринъ, былъ молодецъ, вотъ что головой подъ матицу доставалъ, и вотъ какой въ плечахъ —

вотъ!... Сынъ его за воротъ. — Это что? Кто это? хозяинъ, да это ты?... Да ужь такъ, баринъ, въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются; подавай деньги всѣ сполна, а тамъ молись Богу; ужь коли узналъ, такъ тебѣ живу не быть.

Охъ, старикъ, старикъ, закричалъ онъ, — и этому ты сына учишь! самъ какъ-то увернулся, соскочилъ съ саней, да какъ хватитъ чѣмъ-то сына: онъ, сердечный, какъ стоялъ, такъ и сгорѣлъ съ ногъ какъ снопъ. У меня сердце подкатилось, руки такъ и обмерли; а онъ подходитъ ко мнѣ, ровно вотъ какъ къ доброму кому идетъ, а я стою, самъ не свой, и рукъ и ногъ не разведу; взялъ онъ меня за вихоръ, потянулъ на себя, ровно парнишку какого, да и говоритъ: а тебя, стараго чорта, надо проучить порядкомъ, чтобъ ты на такое дѣло дѣтей не водилъ; да раза три какъ вытянетъ меня по спинѣ — и Господь его знаетъ какъ и чѣмъ, только я весь обомлѣлъ; на своихъ ногахъ стою, а спина ровно перешиблена и головы не слышу.... Покинулъ онъ меня, я и упалъ; онъ

пошелъ, привелъ дровни мои, а самъ все читаетъ да приговариваетъ, да меня коритъ; взялъ онъ меня впоперекъ, взвалилъ навзничь на дровни, а руки–ноги переплелъ подъ вязками; пошелъ да взялъ сына моего, взвалилъ его на меня, вотъ, говоритъ, тебѣ наука; ступай домой! Самъ нахлесталъ лошадь, да и пустилъ назадъ по дорогѣ.

Пошла лошадь домой, стала у воротъ; на деревнѣ еще рано, и у меня дома спятъ, а у самого нѣтъ силъ ни выбраться да встать, ни закричать. Лежитъ, сердечный, на мнѣ, сынъ, и слышу я, что ужь онъ не живой. Подъ конецъ очнулся я маленько, застоналъ; тутъ стало свѣтать; гляжу сыну въ глаза — а онъ взвалилъ его на меня лицомъ къ лицу; гляжу на него — такъ и есть: Богу душу отдалъ!

Вышли у меня со двора, ахнули, глядя на насъ, сняли и меня; сына похоронили, меня подсадили на полати — да вотъ, батюшка баринъ, съ тѣхъ поръ я уже съ нихъ и не слѣзалъ!...

Вотъ оно каково, баринъ, Богъ и долго терпитъ, да больно бьетъ; вотъ мнѣ

проѣзжій памятку и задалъ. Господь съ тобой, баринъ, съ хозяйкой и съ дѣтьми твоими; опочинь, какъ у Христа за пазухой, да съ Богомъ утре и поѣдешь.

Во все время этого разсказа всѣ односемьяне и домочадцы старика занимались каждый своимъ дѣломъ, не обращая большого вниманія на слова его: видно они уже имъ прислушались.... Но у проѣзжихъ, во время разсказа, не разъ волоса подымались дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ. Впрочемъ они переночевали спокойно и благополучно выѣхали.

В. ДАЛЬ